

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. Н. Островский

ПЬЕСЫ

Школьная библиотека (Детская литература)

Александр Островский

Пьесы

Издательство «Детская литература»

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)1-6

Островский А. Н.

Пьесы / А. Н. Островский — Издательство «Детская литература»,
— (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-006289-6

Сборник пьес великого драматурга, создателя русского национального театра
А. Н. Островского. Для старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)1-6

ISBN 978-5-08-006289-6

© Островский А. Н.
© Издательство «Детская литература»

Содержание

Театр для всего народа	7
Свои люди – сочтемся![1]	22
Лица	23
Действие первое	24
Явление первое	24
Явление второе	24
Явление третье	26
Явление четвертое	27
Явление пятое	28
Явление шестое	28
Явление седьмое	29
Явление восьмое	30
Явление девятое	31
Явление десятое	32
Явление одиннадцатое	33
Явление двенадцатое	35
Действие второе	37
Явление первое	37
Явление второе	37
Явление третье	38
Явление четвертое	38
Явление пятое	39
Явление шестое	40
Явление седьмое	41
Явление восьмое	44
Явление девятое	45
Явление десятое	45
Действие третье	48
Явление первое	48
Явление второе	48
Явление третье	49
Явление четвертое	51
Явление пятое	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Островский

Пьесы

- © Журавлева А., составление, вступительная статья, примечания, 1999
- © Кусков И., наследники, иллюстрации, 1956
- © Ильинский И., наследники, иллюстрации, 1985
- © Панов В., наследники, иллюстрации, 1999
- © Оформление серии. Издательство «Детская литература», 2003

A. Ostrovsky

1823—1886

Театр для всего народа

История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома.

А. Н. Островский

Островский – создатель русского национального театра. Эта формула вошла в русское культурное сознание уже при жизни драматурга. Суть исторического дела Островского, закрепленного в нашей памяти этой формулой, – соединение литературы и театра, двух форм культуры, до Островского остававшихся у нас разъединенными.

«Национальный театр есть признак совершеннолетия нации, так же как и академии, университеты, музеи», – написал Островский в конце своего жизненного пути. Между тем театр в современном понимании появился в России довольно поздно – в конце XVII столетия, а укрепился лишь после Петра I. Только в последнюю треть XVIII в. он сделался постоянной культурной привычкой столичного общества.

И в Москве и в Петербурге до середины 1880-х гг. существовала театральная монополия, то есть платные публичные спектакли мог давать только Императорский театр, находившийся на содержании Дворцового ведомства. Спектакли в нем были гораздо более продолжительными, чем теперь, и состояли из нескольких пьес: главная, большая пьеса обрамлялась более короткими, обычно развлекательными – водевилями или балетными дивертисментами. Зрители из общества, как правило, не оставались на все время спектакля, приезжали к основной пьесе; было даже выражение: «пьеса давалась для съезда карет» или «для разъезда карет».

Несмотря на то что русский театр был в городе один (помимо него существовали еще в разное время французский, немецкий, итальянская опера), публика в нем была довольно постоянной, поскольку культурная прослойка оставалась еще тонкой. По этой причине даже пьесы, имевшие большой успех, шли лишь несколько раз за сезон. Понятно, что при таких условиях театр испытывал большой репертуарный голод: по существу, в течение сезона чуть ли не ежедневно требовалось несколько новых пьес разного жанра. Потребности театра обслуживала целая масса профессиональных поставщиков репертуара, преимущественно переводивших или переделывавших «на русские нравы» иностранные пьесы. Такое положение не удовлетворяло наиболее эстетически развитую часть зрителей, но оно не менялось. Из произведений русских классиков первой половины XIX в., написанных в драматическом роде, на сцене укрепились только две пьесы Гоголя: «Ревизор» и «Женитьба».

С середины XIX в. борьба за литературный театр, то есть за театр с серьезным, художественным репертуаром, велась передовыми деятелями культуры неустанно. И главная роль тут – прежде всего практическая – принадлежала Островскому.

Разобщенность литературы и театра к середине XIX в., когда Островский начинал свою деятельность, стала чувствоваться особенно остро. В это время в связи с историческими процессами, происходившими в России, больше становилась аудитория драматического искусства. Театральная публика демократизируется. Расширяется круг грамотных людей, быстро растет прослойка трудовой интеллигенции, в театр приходит купечество. В конце своего жизненного пути, в 1880-е гг., Островский, задумав создание в Москве общедоступного дешевого театра с серьезным репертуаром, уже уверен, что в числе зрителей будут и «хозяева ремесленных заведений», и рабочие.

Приход в театр новой публики, сменившей дворянский зал первой половины XIX в., создавал потребность в национальной бытовой драматургии. Новый зритель хотел пьес о себе,

о своей жизни. Такие пьесы и начал писать Островский. Но, в соответствии с лучшими традициями русской литературы, молодой драматург считал, что театр должен не просто идти навстречу вкусам публики, но и формировать их, активно воздействовать на моральный и эстетический уровень зрителей.

«Театр – дело серьезное, дело народное», – говорил друг юности Островского поэт и критик Аполлон Григорьев. Так же всю жизнь смотрел на театр и Островский.

После реформ Петра I наша государственная жизнь потекла в целом по общеевропейскому руслу, хотя в ней были и свои особенности. Например, сосуществование современных и давно пройденных Западной Европой форм жизни. Главная из них – чрезмерно долго сохранявшееся в России крепостное право, тяжелый гнет не только на экономике страны, но и на душевном здоровье нации. Крепостным правом называлось, как известно, бесправие, бесправное положение крестьян, которых государство отдавало практически в полную зависимость хозяевам-помещикам, то есть дворянству. Это резкое разделение на рабов и хозяев подчеркивалось еще и тем, что привилегированное сословие – дворянство – со времен Петра должно было забыть национальное платье, отказаться от старинного бытового уклада и устроить свой быт так же, как жили в это время на Западе. В результате и возник глубокий разрыв между образованными сословиями, с одной стороны, и теми, на кого не распространялись жесткие петровские требования жить по-новому: крестьянами, купцами.

Они по-разному одевались, по-разному ели и пили, по-разному веселились, читали разные книги, и даже общая православная вера не до конца их объединяла: простонародье гораздо тщательнее образованных людей соблюдало церковные обряды, но и нередко примешивало к истинной вере всякие суеверия и небылицы. В Русской земле словно существовало два разных, мало связанных, мало понятных друг для друга мира. Но к середине XIX в. границы этих миров стали постепенно разрушаться. Образованные люди начали искать способы преодолеть этот разрыв, восстановить не только государственное – оно-то было! – но и духовное и культурное единство русского народа. А простые, по-старинному живущие люди все чаще вынуждены были сталкиваться с петровским государством: обращаться в суды для разрешения имущественных споров и наследственных дел (как раз в судах – Совестном и Коммерческом – работал в молодости Островский), в разных государственных учреждениях получать разрешения на промысел и торговлю и т. п. Этот бюрократический мир был им непонятен, о правах и порядках, установленных государством, они ничего не знали. Здесь их обманывали, запугивали и обирали. Самые живые и умные стали учить своих детей, приспособливаться к «европеизированной» жизни, но на первых порах часто принимали за «образованность» лишь всякие внешние стороны быта высших сословий. «Образование! Знаешь ли ты, что такое образование?.. <...> Ты бы вот сертучишко новенький сшил! <...> Стихи пишет, образование хочет, а сам как фабричный ходит! Разве в этом образование-то состоит, что дурацкие песни петь?» – поучает своего молодого приказчика купец-самодур Гордей Торцов («Бедность не порок»).

Вот в этих-то «пограничных» зонах между богатыми, но еще вчера жившими по старине людьми и новыми требованиями, которые властно предъявляет современная жизнь, и возникает почва для комедийных конфликтов, да еще таких, где смешное переплетено с грустным, ведь причуды имеющих власть не только забавны, но и опасны для бедных и зависимых. Об этом и пишет молодой Островский.

Хотя отец драматурга, происходивший из духовенства, на государственной службе получил потомственное дворянство (то есть не только он сам, но и его дети стали дворянами), Островский входит в литературу как третьесословный писатель, единственный, в сущности, из классиков первого ряда (за исключением Лескова, но истинные масштабы этого писателя стали ясны только в XX в.). Он всегда смотрел на жизнь с позиции тех, кто ест «трудовой хлеб». В этом отношении те авторы, которых принято называть «шестидесятниками» (писатели-разночинцы, бескомпромиссные критики дворянства, в том числе и дворянской интеллигенции,

«лишних людей»), были ему достаточно близки, и то, что в течение многих лет он печатался в «Современнике», а затем в «Отечественных записках» Некрасова и Салтыкова-Щедрина, отнюдь не было случайностью. Но было между ними существеннейшее, коренное различие. Смолоду, еще со времен близости с А. А. Григорьевым и другими молодыми сотрудниками издававшегося историком М. П. Погодиным журнала «Москвитянин», Островский укрепился в настороженном отношении ко всяким теориям, под которые предлагалось подгонять жизнь. Его простой, но глубокий и трезвый ум, твердое, ясное нравственное чувство отталкивали его как от всякого насилия и тирании, связанных с феодальными пережитками, так и от радикальных идей. Утопическое сознание было ему органически чуждо.

Молодой Чернышевский записывает в своем дневнике: «Вот мой образ мыслей о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее, хоть я и знаю, что долго, может быть весьма долго, из этого не выйдет ничего хорошего, что, может быть, надолго только увеличатся угнетения и т. д. – что нужды?... мирное, тихое развитие невозможно». Невозможно представить себе чего-либо подобного у Островского. Сама мысль о том, чтобы увеличить надолго гнет и страдания ради «развития», просто никогда не могла прийти ему в голову. Зато «тихое, мирное развитие», улучшение жизни вследствие влияния просвещения кажется ему непреложной истиной. Честный труд, практическое добро, любовь – вот ценности мира Островского. И над всеми, кто попирает эти ценности, смех его беспощаден.

Уже вторая пьеса Островского «Свои люди – сочтемся!» (первоначальное название «Банкрот», 1849) произвела огромное впечатление на современников и сразу выдвинула автора в число лучших писателей. При этом наиболее проницательные читатели сразу поняли масштабность изображенного в пьесе: купцы как благодарный материал для водевильного комизма и до Островского мелькали в литературе. Здесь же Замоскворечье предстало как целый мир, и замкнутый, и, безусловно, связанный с современностью. Здесь тоже происходит конфликт «отцов и детей», здесь говорят о просвещении и эмансипации, но все эти высокие понятия и освобождающие веяния жизни тут искажаются, как в кривом зеркале. Антагонизм богатых и бедных, зависимых развернут не в сфере борьбы за равноправие и свободу личного чувства, а в борьбе корыстных интересов, стремлении разбогатеть и «зажить по своей воле». Высокие ценности подменены своими пародийными двойниками. Образованность – не что иное, как желание следовать моде, презрение к обычаям и предпочтение «благородных» кавалеров «бородастым» женихам.

Пьеса обладает напряженной интригой и вместе с тем характерной для Островского неторопливостью развертывания событий. Пространная замедленная экспозиция нужна драматургу потому, что драматическое действие у него не исчерпывается интригой. В него втянуты и нравоописательные эпизоды, обладающие потенциальной конфликтностью (споры Липочки с матерью, визиты свахи, сцены с Тишкой). Динамичны и беседы героев, не приводящие ни к каким непосредственным результатам, но имеющие свое «микродействие», которое можно назвать речевым движением. Речь, сам способ рассуждений так колоритен и интересен, что зритель следит за всеми поворотами, казалось бы, пустой болтовни.

Хотя интрига пьесы имеет не просто материальный, но четко выраженный денежный характер, она все равно, как это свойственно Островскому всегда, переведена в нравственный план. Многомерность конфликта отразилась и в системе персонажей.

О Самсоне Силыче Большове в перечне действующих лиц сказано кратко: купец. Все другие персонажи, живущие в доме Большова или связанные с ним, охарактеризованы уже по отношению к нему (жена, дочь, приказчик, мальчик). Таким образом, Большов охарактеризован прежде всего социально-профессионально, затем косвенно определено его место в семейном мире. Не менее значимо и его полное имя, на примере которого прекрасно видны принципы, определяющие поэтику именования в мире Островского: имена значимые, но совсем не так прямолинейно, как «значащие имена» в пьесах классицистов. Большов – глава и хозяин

(«сам», «большой» – так в народной речи обозначали главу и хозяина в доме), библейское же имя Самсон, да еще «укрупненное» отчеством Силыч, как бы предрекает поражение от коварства близких, ведь библейский силач Самсон погиб от предательства возлюбленной.

Положение Большова в системе персонажей не остается, однако, неизменным. Он представляет мир Замоскворечья в его наиболее простой, грубой форме, не идеалы патриархального купечества, а его повседневную, обыденную практику. Он наивен и грубо прямодушен в понимании заповедей своего круга: «Мое детище: хочу – с кашей ем, хочу – масло пахтаю»; нет «документа» – значит, можно не выполнять обещанного; бесчестны те мошенники, которые вредят ему, но такие же проделки по отношению к другим – деловая ловкость и т. п. Большов до начала действия прошел уже обычный путь обогащения, не соответствующий, конечно, моральным заповедям, но и не выходящий за рамки обыденной бытовой нечистоплотности. Задуманное им мошенничество – злостное банкротство – уже примета современной «коммерции», о чем свидетельствует сцена чтения газеты. Большов провоцирует предательское жульничество Подхалюзина и сам становится его жертвой. Переписывание имущества на приказчика, к тому же новоиспеченного зятя, в корне меняет положение Большова: отныне из хозяина положения он становится зависимым от детей. Сложившаяся ситуация меняет не только положение героя в фабуле, но и отношение зрителя к старику, нагло обманутому детьми, вызывая если не сочувствие, то жалость. Современный критик назвал Большова «купеческим Лиром», и это сравнение закрепилось в культурной памяти.

В отличие от патриархального Большова Подхалюзин представляет уже новые времена. В системе персонажей и самом развитии действия пьесы место Подхалюзина также не остается неизменным: если начальный толчок интриге дает Большов, то затем инициатива переходит к Подхалюзину, который разрабатывает план, параллельный большовскому, но направленный в свою пользу. «Порча нравов» проявляется и в том, что если Большов, разрабатывая свой план, целиком полагается на незыблемость своего патриархального дома и верность чад и домочадцев, то Подхалюзин всех подкупает – сваху, стряпчего и даже мальчика Тишку.

Однако очень важно, что порча нравов не привнесена извне, ее провоцирует нарушение нравственных законов самим главой патриархального дома, «отцом», а уж грехи «детей» – производное, печальное следствие действия «старших».

Если Большов и Подхалюзин – главные фигуры, характеризующие деловой мир Замоскворечья, то Липочка и Подхалюзин – важнейшие герои в «любобной» и «культурной» проблематике пьесы. Не случайно открывает пьесу большой монолог Липочки о прелести танцев, о преимуществе военных кавалеров, который сменяется злобными попреками матери в необразованности. Однако все разговоры в первом действии – обычные «романтические» мечты купеческой барышни, но Липочка по-своему искренне начинает любить отвергнутого ею только что с бранью и позором «противного» жениха Подхалюзина, когда выясняется, что он может дать ей то, что она считает счастьем. «А если за меня-то... выйдете-с, так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с... В рассуждении шляпок или салопов не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских... Мы также фрак наденем да бороду обреем...»

Реализовавшаяся мечта Липочки, показанная в четвертом действии, есть жизнь уже вполне «своевольная», не скованная никакими моральными запретами или хотя бы внешними правилами. Крайняя черствость Липочки, ее скупость, наглая уверенность в своем праве всем пренебречь ради своего удобства и спокойствия – словом, неопикуемая грубость чувств такова, что даже Подхалюзин на этом фоне более человечен.

По сравнению с Липочкой, место которой в нравственной проблематике пьесы, безусловно, центральное, Подхалюзин несколько отходит на второй план, но в любовной интриге его фигура очень важна. Гоголь, характеризуя современное ему состояние общества, заметил, что теперь сильнее любовной интриги завязывает пьесу стремление достать выгодное место,

и тем самым как бы противопоставил меркантильный интерес и область человеческих чувств. В пьесе Островского это противопоставление снято: любовь тут есть, но она неразделима с материальными интересами. Подхалюзин и правда любит Липочку – как средство достичь богатства и как вывеску своего купеческого дела. В четвертом действии мы видим счастливую супружескую пару, где деловая хватка мужа сочетается с его искренним восхищением «культурой» жены (олицетворение которой – вызывающий восторг Подхалюзина «французский» язык Липочки). Дружный союз, возникающий на развалинах патриархального купеческого дома, закреплён финальной репликой: «А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого робенка пришлете – в луковице не обочтем».

Уже в этой второй пьесе сложились многие черты поэтики, присущие театру Островского в целом: сосредоточенность на нравственной проблематике, через которую анализируются и социальные аспекты жизни, вытекающее отсюда абсолютное преобладание семейно-бытовых конфликтов, использование нравоописательных элементов для анализа характеров и формирующих их обстоятельств, расширение понятия драматического действия, речь героев не только как средство характеристики, но и как самостоятельный объект изображения.

К середине XIX в. литература и общество начинают испытывать определенную усталость от чисто отрицательного направления. Исключительно критический аспект изображения жизни продолжают разрабатывать лишь писатели, связанные с идеями революционной демократии, в других литературных кругах нарастает потребность в поисках положительных начал национальной жизни. К одному из таких кругов принадлежит в 1850-е гг. Островский, вместе с А. А. Григорьевым возглавляющий так называемую молодую редакцию журнала «Москвитянин».

Москвитянинцы увлекаются разными проявлениями простонародной культуры: собирают песни и дружат с их исполнителями (преимущественно из городских низов), проявляют интерес к народному обряду и чину, прислушиваются к народной речи, высоко ценя живое, меткое слово, свободное умение «разговор рассыпать» (как выразится один из героев Островского); в идеалах (подчеркнем это слово!) патриархального семейного уклада видят возможность противостоять современному разрушению традиционной морали и разгулу индивидуалистических страстей.

После того как о современной патриархальной семье в комедии «Свои люди – сочтемся!» было сказано с такой бескомпромиссной жесткостью, Островский решает, что надо показать народу, «что знаешь за ним и хорошее». Первым опытом в этом направлении становится комедия «Не в свои сани не садись» (1852), оказавшаяся дебютом Островского на сцене (театральная цензура не пропустила на сцену «Свои люди – сочтемся!», а за автором был учрежден секретный полицейский надзор).

В этой пьесе усилия Островского сосредоточены не на создании социальной картины жизни, а на том, чтобы показать нравственный уклад народного мира, атмосферу безусловно признаваемой героями патриархальной морали, когда каждый ощущает себя частицей общего. Здесь Островскому не важно, что Русаков – богатый, а Бородкин – небогатый купец, важно, что они принадлежат к одному культурно-бытовому укладу, противопоставленному миру «цивилизованных», европеизированных сословий. Здесь, правда, этот «цивилизованный» дворянский мир представлен искателем богатых невест, промотавшимся гусаром Вихоревым. Вихорев – первый в созданной Островским галерее «красавцев мужчин», прожигателей жизни, хищнически относящихся к любящим женщинам. Дворянский мир – источник соблазна, именно ореол «красивой», блестящей, заманчивой и необыденной любви, воплощенный в Вихореве, кружит голову Дунечке, заставляя ее забыть о прежних теплых отношениях с Ваней Бородкиным, в котором отец видел подходящего жениха.

Итак, семью Русаковых Островский берет как модель народного уклада жизни, о котором говорили москвитянинцы. И поэтому на первый план в действии выступают не участ-

ники любовного треугольника, а глава семьи Максим Федотыч Русаков. По своей функции в сюжете это своеобразное преломление в мире Островского традиционного амплуа «благородного отца», но вместе с тем он резко от него отличается. Фамилия значимая: русак, русачка – так называли купцов, сохранявших в быту традиционный национальный уклад, не бривших бороды, носивших русское платье. В ремарке о Русакове сказано: «богатый купец». Сохранилась авторская характеристика этого героя, написанная для переводчика пьесы на немецкий язык: «Русаков – тип старого русского семьянина. Человек добрый, но строгой нравственности и очень религиозный. Семейное счастье почитает высшим благом, любит дочь и знает ее добрую душу».

Русаков оказывается своеобразным героем-идеологом. Ему доверено выразить представление об идеальных нормах отношений в патриархальной русской семье. Эти представления сформулированы Русаковым в его воспоминаниях о жизни с покойной женой: «Тридцать лет слова неласкового друг от друга не слышали! Она, голубка, бывало, куда придет, там и радость. Вот и Дуня такая же: пусти ее к лютым зверям, и те ее не тронут. Ты на нее посмотри: у нее в глазах-то только любовь да кротость».

Наряду с чисто семейными ценностями герой утверждает и профессионально-общественные: безусловную обязанность честного делового поведения («Честный ты купец али нечестный?..»), твердого слова. Будучи «старым русским семьянином», Русаков тем не менее весьма иронически относится к «славянофильским» фразам старающегося его умаслить дворянского жениха Вихорева, пытающегося тоже выступить своеобразным идеологом. Не преуспев с помощью славянофильских фраз, Вихорев с такой же легкостью переходит к «западническим» обвинениям Русакова в косности и упрямстве. Но и то и другое для Вихорева, конечно, не более чем словесные маски. И все же ирония Островского распространяется не только на Вихорева, но и на обе теории. Тут сказалось неизменное у Островского недоверие к идеологическому фразерству.

Характеристика Русакова меняет и его традиционные фабульные функции: быть препятствием на пути соединения влюбленных. «Мне не надо ни знатного, ни богатого, а чтобы был добрый человек да любил Дунюшку», – говорит он. Его несогласие на брак любимой дочери с ее избранником продиктовано не корыстью, не заблуждением и не простым упрямством. Он не хочет отдать Дуню за Вихорева, так как понимает его корыстолюбие и бесчестность. Помехи, которые он создает (отказ убежавшей дочери в приданом), приводят к разоблачению фальшивого влюбленного, прогоняющего бесприданницу к отцу. Купеческий «благородный отец», Русаков оказывается не только «идеологом», утверждающим патриархальные нравственные ценности своими речами и поведением, но и деятельным двигателем интриги, приводящим к счастливому финалу комедии. Мир Островского человечен и добр, и все участники разыгравшейся в пьесе драмы в критической ситуации проявляют лучшие стороны своей натуры: Русаков сдерживает свой гнев и принимает мудрое решение, Дуня, убедившаяся в низости своего избранника, останавливается на краю гибели и возвращается к отцу, а Ваня Бородин переступает через предрассудки своей среды и, движимый добротой и верной любовью, готов взять героиню в жены.

Вскоре появилась комедия «Бедность не порок» (1853), имевшая колоссальный театральный успех, и «народная драма» «Не так живи, как хочется» (1854), составившие так называемый москвитянинский цикл, наиболее полно отразивший идеалы молодой редакции. Исследуя в москвитянинский период архаические формы быта и семейных отношений купечества, Островский создает художественную утопию, мир, где, опираясь на народные (крестьянские в своих истоках) представления о нравственности, оказывается возможным преодолеть рознь и ожесточенный индивидуализм, все более распространяющийся в современном обществе, вернуть утраченное, разрушенное историей единение людей. Но изменение всей атмосферы рус-

ской жизни в преддверии отмены крепостного права приводит Островского к пониманию утопичности и несбыточности этого идеала.

Высшим художественным достижением Островского в предреформенные годы стала пьеса «Гроза» (1859), в которой он открыл народный героический характер.

В пространной и неторопливой экспозиции драматург создает художественный образ Калинова, вымышленного глухого волжского городка, где на фоне великолепных волжских пейзажей течет скудная, замкнутая, какая-то отъединенная и от современного мира, и от исторического прошлого жизнь. Мотив совершенной замкнутости калиновского мира нарастает в пьесе по мере развития действия. Жители не видят нового и знать не знают других земель и стран. О прошлом они тоже сохранили смутные, утратившие смысл представления (разговор о Литве, которая «с неба упала»). Новости из большого мира приносит странница Феклуша, и калиновцы с одинаковым доверием слушают и о странах, где люди «с песьими головами», и о железной дороге, где для скорости «огненного змия стали запрягать», и о времени, которое «в умаление стало приходить». И все действующие лица вращаются в кругу понятий и представлений этого калиновского мира, даже Кулигин, механик-самоучка, одержимый старинными техническими идеями (солнечные часы, громоотвод и даже средневековая идея перпетуум-мобиле – главная мечта его жизни), любитель старинного слога, цитирующий стихи Ломоносова и воспринимаемый согражданами как своего рода безобидный юродивый. Не составляет исключения и Борис, воспитанием и обликом резко отличающийся от других, но уже взятый в плен Калиновом, попавший в некую совершенно иррациональную зависимость от своего дядюшки Дикого. Все персонажи, начиная от Дикого и кончая странницей Феклушей, – яркие и живые характеры, но композиционно в центр пьесы выдвинуты две героини, представляющие собой два полюса калиновского мира, – Катерина и Кабаниха. Их контрастное сопоставление в системе персонажей имеет определяющее значение для понимания смысла пьесы. Сходство их как в принадлежности к миру патриархальных представлений и ценностей, так и в силе характеров. Обе они максималистки, не способные пойти на компромисс. Религиозность обеих имеет одну сходную черту: обе не помнят о милосердии и прощении. Однако этим сходство исчерпывается, создавая почву для сравнения и подчеркивая антагонизм героинь. Катерина представляет поэзию, одухотворенность, порыв, мечтательность, дух патриархального уклада в его идеальном значении. Кабаниха вся прикована к земле, к земным делам и интересам, она блюститель порядка и формы, отстаивает уклад во всех его мелочных проявлениях, требуя неукоснительного исполнения обряда и чина, нимало не заботится о внутренней сути человеческих отношений. У Кабанихи нет никаких сомнений в моральной правоте иерархических отношений патриархального быта, но и уверенности в их нерушимости тоже нет. Напротив, она чувствует себя чуть ли не последней опорой правильного миропорядка, и ожидание, что с ее смертью наступит хаос, придает трагизм ее фигуре.

Для общей концепции пьесы очень важно, что Катерина появилась не откуда-то из просторов другой жизни, другого исторического времени (ведь патриархальный Калинов и современная ему Москва, где кипит суета, о которой рассказывает Феклуша, – это разное историческое время), а родилась и сформировалась в таких же калиновских условиях. Островский подробно показывает это в экспозиции, когда Катерина рассказывает Варваре о своей жизни до замужества. Главный мотив этого рассказа – все пронизывающая любовь к «воле», которая, однако, не вступала в противоречие с веками слагавшимся укладом замкнутой жизни. А потому и нет здесь насилия, принуждения. Идиллическая гармония патриархальной семейной жизни – это некий идеал, утверждаемый кодексом патриархальной морали. Но Катерина живет в эпоху, когда исчез сам дух этой морали – гармония между отдельным человеком и нравственными представлениями среды. И вот Островский показывает, как в душе такой вполне «калиновской» по воспитанию и нравственным представлениям женщины рождается новое отношение к миру, новое чувство, еще неясное самой героине: «...Что-то со мной недоброе

делается, чудо какое-то!» Это смутное чувство, которое Катерина, конечно, не может объяснить рационалистически, – просыпающееся чувство личности. В душе героини оно, естественно, в соответствии со всем жизненным опытом купеческой жены, приобретает форму индивидуальной, личной любви. Свою любовь Катерина воспринимает как страшный, несмыслимый грех, потому что любовь к чужому человеку для нее, замужней женщины, есть нарушение нравственного долга, а моральные заповеди патриархального мира полны для Катерины первозданного смысла.

Уже осознав свою любовь к Борису, она изо всех сил стремится ей противостоять, но не находит в этой борьбе опоры: вокруг нее уже все рушится, и все, на что она пытается опереться, оказывается пустой оболочкой, лишенной подлинного нравственного содержания. Для Катерины же форма и ритуал сам по себе не имеют значения – ей важна человеческая суть отношений. «Гроза», таким образом, не «трагедия любви», а скорее «трагедия совести». Сознание греха не оставляет Катерину и в минуты счастья и с огромной силой овладевает ею, когда счастье кончилось. Катерина кается всенародно без надежды на прощение. Гибель Катерины поэтому предрешена и неотвратима, как бы ни повели себя люди, от которых зависит ее жизнь. Катерина – жертва не кого-либо из окружающих (что бы ни думали по этому поводу герои пьесы), а хода жизни. Мир патриархальных отношений умирает, и душа этого мира уходит из жизни в муках и страданиях.

Помимо точной социально-исторической характеристики, «Гроза» обладает и явно выраженным лирическим началом и мощной символикой. И то и другое в первую очередь связано с образом Катерины. Ее судьбу и речи Островский последовательно соотносит с фабулой и поэтикой лирических песен о женской доле. В этой традиции выдержан рассказ Катерины о жизни в девичестве, монолог перед последним свиданием с Борисом. Автор поэтизирует образ героини, используя для этого даже такое нетрадиционное для драматургии средство, как пейзаж. В словах Катерины, обращенных к Варваре, появляется мотив птицы и полета («Отчего люди не летают?.. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела»), в финале мотив полета трагически преобразуется в падение с волжской кручи. А спасает Катерину от жизни в неволе Волга, символизирующая даль и волю.

Под пером Островского задуманная социально-бытовая драма из жизни купеческого сословия переросла в трагедию. Через любовно-бытовую коллизию был показан эпохальный перелом, происходящий в простонародном сознании. Просыпающееся чувство личности и новое отношение к миру, основанное на свободном волеизъявлении, оказались в непримиримом противоречии не только с реальным, житейски достоверным состоянием современного Островскому патриархального уклада, но и с идеальным представлением о нравственности, присущим высокой героине.

Лиризм «Грозы», столь специфичный по форме (А. Григорьев тонко заметил о нем: «... как будто не поэт, а целый народ создавал тут...»), возник на почве близости мира героя и автора.

Надежды на преодоление социальной розни, разгула индивидуалистических страстей и устремлений, культурного разрыва образованных классов и народа на почве воскрешения идеальной народной нравственности, которые Островский и его друзья питали в 1850-е гг., не выдержали испытания реальностью. Прощанием с ними и была «Гроза». Оно только и могло совершиться в трагедии, поскольку утопия эта не была заблуждением частной мысли, а отражала состояние народного сознания на переломе истории.

В пореформенной России рушится замкнутость сословных и культурно-бытовых групп общества. Европеизированный уклад жизни, бывший ранее привилегией дворянства, постепенно становится нормой. Социальная пестрота характеризует и картину жизни, создаваемую Островским в пореформенный период.

У раннего Островского нет характерного для большинства русских классиков героя-интеллекта, дворянского «лишнего человека», а когда в конце 1860-х гг. он к нему обращается, это оказывается совсем особый герой – герой сатирической комедии. «На всякого мудреца довольно простоты» (1868) – начало своеобразного антидворянского цикла. Хотя социальный критицизм почти никогда не чужд Островскому, собственно сатирических комедий у него немного, и все они рисуют дворянский быт («Бешеные деньги» – 1870, «Лес» – 1871, «Волки и овцы» – 1875). Здесь в сферу сатирического изображения вовлечены не отдельные персонажи и сюжетные линии, но вся представленная жизнь, не столько личности, сколько уклад в целом, ход вещей. Пьесы совершенно не связаны сюжетно, но в целом они дают широкое полотно жизни пореформенного дворянства. По принципам поэтики эти комедии существенно отличаются от главного жанра дореформенного творчества – созданного Островским типа народной комедии. Они остросовременны по материалу и полны злободневных намеков, в них сложная, богато разработанная фабула, часто основанная на авантюрных моментах, их отличает смелое обращение к условности, художественная гиперболизация, в отдельные «ударные» моменты действия – отказ от бытового психологического правдоподобия, использование традиционных приемов театральной техники (амплуа, использование элементов водевильного комизма).

Первая пьеса из сатирического цикла «На всякого мудреца довольно простоты» рисует реакцию на реформу московского дворянства. Комедия построена как портретная галерея характерных типов московского общества, по которой зрителя «проводит» Глумов, молодой человек, решивший делать карьеру. Он – единственный активный герой комедии – создает и ведет интригу с целью добиться жизненного успеха традиционно дворянскими способами: получить выгодное место через влиятельных людей и жениться на богатой невесте.

Герой размышляющий, оценивающий общественное и социальное бытие своих современников, ищущий свое место в жизни и остро чувствующий свое превосходство над массой братьев по классу – образ, богато разработанный русской литературой. Здесь Глумову предшествует вся галерея «лишних людей». Но если эволюция «лишнего человека» накануне реформ привела к созданию Обломова, героя, полностью выключенного из социальной практики своего круга, то путь Глумова иной – это путь предательства собственного интеллекта, путь нравственного раздвоения, ведущего к разъедающему цинизму и аморальности. Перед нами как будто бы законченный подлец, а вместе с тем его ум, безусловное интеллектуальное превосходство над остальными – притом не вызывающими симпатий – персонажами иной раз словно заставляют радоваться его успеху. Это объясняется тем, что, во-первых, мы не раз именно благодаря игре Глумова, спектаклю, который он талантливо разыгрывает перед каждым из «нужных» людей, смеемся над изображенными в пьесе типами. И во-вторых, мы чувствуем, что перед нами разворачивается драматическая история нравственного падения незаурядной личности. Конфликт героя со средой сведен к минимуму, зато вся человеческая одаренность Глумова состоит в непримиримом противоречии с его жадой преуспеяния в обществе пошлых и заурядных людей, претендующих на значительность. Однако история Глумова не есть история искушения и падения честного человека (совсем иное дело, чем Жадов в «Доходном месте», с которым Глумова иногда неправомерно сравнивают). Здесь нет и следа душевной борьбы, угрызений совести, герой прямо говорит о себе матери: «Я умен, зол и завистлив». Разыгрывая спектакль перед каждым из людей, с помощью которых он надеется преуспеть, Глумов пишет злой дневник, где дает эпиграмматические характеристики своих благодетелей. Помимо фабульной роли (благодаря дневнику, попавшему в чужие руки, срывается интрига Глумова), дневник демонстрирует несоответствие образа действия героя, его жизненной практики и природных возможностей, дневник есть как бы реализация метафоры «спрятать ум в карман». Ум Глумова проявляется лишь в том, что он понимает: для успеха в этом обществе ум не нужен. «Им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха», – говорит он. Пове-

дение и речь Глумова связаны с различными литературными образцами. Но эта условность, «литературность» речей персонажа имеет реалистическую фабульную мотивировку, ведь Глумов играет для каждого из своих партнеров по сцене, он импровизирует в духе того, чего от него ожидают. При этом Островский рассчитывает на литературный и театральный опыт зрителей: в отличие от партнеров Глумова они-то должны понимать, что все глумовские речи – «цитаты». Разоблачение Глумова в финале – наиболее смелый ход в пьесе: герой произносит пылкий обличительный монолог, который обиженные им в дневнике люди терпеливо выслушивают и даже дают понять, что со временем Глумов будет прощен.

Пьеса Островского была написана, что называется, на злобу дня, отразившаяся в ней реакция на реформу была в буквальном смысле документально достоверна. Но удивительным образом она на протяжении последующих ста тридцати лет снова оказывалась остро злободневной.

Благодаря глубине проникновения в национальный характер и силе реалистического обобщения Островский создал как бы галерею «вечных типов» общественного поведения русского человека в эпохи реформ. Отставной генерал Крутицкий, взявшийся за перо, чтобы влиять на умы, и с помощью Глумова создающий «Трактат о вреде реформ вообще» и «Трактат об улучшении нравственности в молодом поколении». Благодушный глуповатый Мамаев, занимающий, как и в прежние времена, какую-то почетную, но не требующую труда и ответственности должность, глубоко страдающий от того, что реформа лишила веса и значения его мнения по разным вопросам, которые в крепостные времена он мог часами излагать зависимым людям. Городулин, преуспевающий молодой чиновник «нового времени», для которого либеральные идеи лишь некое «условие службы» и гораздо важнее ловкое красноречие, необходимое на разных многочисленных публичных мероприятиях («Нам идеи что! Кто ж их не имеет, таких идей! Слова, фразы очень хороши!» – восхищается он пародийной либеральной риторикой Глумова). Все эти герои оказались современны не только 60-м гг. XIX в.

Другим жанром – наряду с сатирической комедией, – наиболее соответствующим новой пореформенной реальности, стала в творчестве Островского драма, которая в его театре постепенно вызревала в недрах комедии. Становление драмы было связано с поисками героя, который был бы способен вступить в драматическую борьбу и при этом вызвать сочувствие зрителя, имея достойную цель. В пореформенной действительности Островский, однако, не видел героя, отвечавшего этим требованиям. Все герои в драмах Островского либо черствые преуспевающие дельцы, либо пошлые, циничные прожигатели жизни, либо прекраснодушные идеалисты, бессилие которых перед лицом «делового человека» предопределено. Именно поэтому они не могли стать центром драматического действия. Таким центром становится женщина. Своеобразие построения драмы Островского по этой причине состоит в том, что «центр» пьесы и персонаж (или персонажи, активно ведущие действие) не совпадают. По самому своему положению в обществе современница Островского оказывается объектом драматической борьбы, которая закипает вокруг нее. Ее же роль – проявлять характеры остальных участников действия, а через них – лицо времени. Интерес переносится с перипетий фабулы (нередко достаточно сложных) на переживание происходящих событий, поскольку именно сфера чувства, а не действия доступна героине, вызывающей участие зрителя. А такая художественная задача требует именно психологической драмы.

Лучшей психологической драмой Островского по праву считается «Бесприданница» (1878). В ней тема психологического исследования – обман и самообман. Здесь уже нет абсолютного противостояния героини и среды: борьба совершается в душе самой Ларисы, это борьба между стихийным стремлением к чистоте, артистизмом и поэтичностью ее натуры, с одной стороны, и представлениями о жизни ее среды, во власти которых почти до конца пути находится и сама героиня, – с другой. В центре пьесы натура противоречивая, естественно

поэтому, что именно жанр психологической драмы в наибольшей мере соответствовал реализации авторского замысла.

Через всю драму проходит мотив торговли, которым определяются, в сущности, все отношения персонажей друг с другом и с Ларисой. Первое явление, открывающее действие, в диалогах слуги и буфетчика очерчивает картину жизни вымышленного волжского города Бряхимова «по старине», с пирогами и чаепитиями «до тоски», но ведется эта беседа в ожидании «чистой публики», которая живет в Бряхимове уже совсем иначе. Именно к этой «чистой публике» принадлежат Кнуров, Вожеватов и Паратов – основные участники разворачивающегося в пьесе торга за Ларису. В первом же действии охарактеризованы и возможности героев: самый богатый из них – Кнуров, у него миллионы; Вожеватов несколько менее богат, зато он молод, да к тому же с детских лет приятель Ларисы; у Паратова нет умения наживать деньги, зато он мастер «красиво» проживать их, он – блестящий барин. Кнуров и Вожеватов наживают и покупают, они главные покупатели в пьесе. Паратов проживает и продает.

О первой торговой сделке мы узнаём уже во втором явлении: Вожеватов рассказывает Кнурову, что покупает у Паратова его любимый пароход «Ласточку». Затем разговор переходит на Ларису, мы узнаем о предстоящей вскоре ее свадьбе с бедным чиновником Карандышевым. И вслед за этим известием идет рассказ о доме Огудаловых, о том, как мать Ларисы торгует красотой своей дочери, привлекая в дом возможных женихов и заставляя их оплачивать удовольствие бывать в ее доме, где «на базар похоже». Однако, оговаривается Вожеватов, Огудаловы «не таких правил люди: мало ли случаев-то было, да вот не польстились; хоть за Карандышева, да замуж». Вожеватов объясняет и причину этой странной помолвки блестящей бесприданницы с бедным и несветским чиновником. Этому предшествовала история страстного увлечения Ларисы Паратовым, который, поездив месяца два и «отбив всех женихов», исчезает из города. Неудачные попытки Огудаловой продать Ларису в жены трем богатым претендентам на ее руку, заканчивавшиеся скандалами, заставили Ларису взбунтоваться против планов матери и объявить: «„Довольно... с нас сраму-то: за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли – разбирать не буду“. А Карандышев и тут как тут с предложением».

В сущности, Лариса тоже вступает в торговую сделку: за свою красоту и светскость хочет получить преданную любовь, положение замужней женщины и жизнь в сельском уединении, которую она представляет себе совсем в духе сентиментальных романов. Но все это она делает в полной уверенности, что поступает хорошо и вполне честно по отношению к жениху. Но Лариса ошиблась в своем выборе: Карандышев хоть и любит ее, но и он ее «покупает». А что за радость от такой покупки, если ею не похвастаться! И вот Ларисе приходится пройти через цепь унижений, когда ее бедный жених стремится похвастаться ею и занять в обществе более высокое место, чем то, на которое он может претендовать и по своему происхождению, и, главное, по весьма скромному достатку.

Ларисе кажется, что, решившись на брак с Карандышевым, она вырвалась из сферы кипящих вокруг нее торговых сделок, но она жестоко ошиблась. Ей суждено неизменно вызывать именно торговый ажиотаж, она не может найти бескорыстной и честной любви. Она разочарована в надежде на тихую семейную жизнь, разочарована в Карандышеве и потому без всяких угрызений совести бежит из дома жениха, бежит с его богатыми гостями – и главное, с Паратовым – за Волгу, на ночной мужской пикник. Лариса делает последнюю отчаянную попытку вернуть любовь Паратова и стать его женой. А Паратов этой веселой прогулкой просто «прощается с волюшкой», продавая за пятьсот тысяч богатой невесте.

До самых последних сцен Лариса не понимает, что за человек Паратов, не понимает, что и он участвует в торге; только если Кнуров и Вожеватов собираются дать ей богатство, которое заставит замолчать злые языки, если Карандышев платит своим именем и честью, то Паратов просто покупает ее, как цыганку, на прощальный кутеж. И только в последних сценах Лариса осознает истинный смысл своего положения. В разговоре с Карандышевым, подхватывая ска-

занное им в запальчивости слово, она произносит свою знаменитую, короткую, но весомую, как пространнейший монолог, реплику: «Вещь... да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя... я вещь!»

Разочарование в Паратове было для нее крушением всех ее жизненных представлений, ведь она не просто полюбила его, как, например, Катерина Бориса, а полюбила в нем свой идеал человека («Сергей Сергеич... это идеал мужчины»). И, назвав себя вещью, она поняла, что сама возможность посчитать Паратова идеалом была выражением ее глубокой внутренней связи с миром торговли, миром, где все репутации создаются деньгами. В сущности, Карандышев с его жалким обедом, жалким ковром на стене и дешевым оружием – карикатура на Паратова, такой же Паратов, только грошовый, дешевенький. Тогда Лариса и решает: «Уж если быть вещью, так одно утешение – быть дорогой, очень дорогой!» В смерти она увидела выход для себя, а в выстреле Карандышева – вспышку человеческого чувства, наконец-то вызванного ею. И отсюда ее просветление в последние минуты жизни, она всех прощает, и главное – своего убийцу, спасшего ее от участи «очень дорогой вещи».

Паратов – один из самых удачных портретов в галерее образов «красавцев мужчин», созданных Островским. Как и Лариса, он человек-товар, но нисколько не страдает от этого. Кнуров и Вожеватов – вариации типа «делового человека» новой формации, внешне весьма непохожие на замоскворецких купцов, которые выступают как хозяева жизни в ранних пьесах драматурга. Все эти персонажи раскрываются преимущественно в действии, в сюжете. Их внутренний мир не становится предметом исследования. Наиболее психологически разработаны характеры Карандышева и Ларисы.

Карандышев охарактеризован рассказами других действующих лиц (преимущественно Вожеватова), своим непосредственным участием в действии и диалогами с Ларисой. Этот герой – развитие типа «маленького человека». Но он не только маленький человек, забитый и обиженный богатыми, он также «мелкий человек», болезненно амбициозный и стремящийся утвердиться именно в том мире, который делает его жалким.

Характер героини разработан Островским с наибольшей разносторонностью и психологической глубиной. Анализируя сюжет пьесы, полностью исчерпывающийся торговой борьбой за Ларису, мы видели, как глубоко проник в ее душу мир, в котором она родилась и живет, как он сформировал ее представления о людях и о жизни в целом. Но характер Ларисы не исчерпывается тем, во что превратили его социальная среда и обстоятельства. Островского занимает как раз борьба чистой, поэтической, правдивой природы с растлевающим влиянием среды. Поэтому столь важно в Ларисе светлое начало: ее артистизм, отвращение ко лжи, мечта о чистой жизни. Все эти свойства героини раскрываются не только в действии, в разговорах о героине и в ее собственных репликах, но и другими средствами. С Ларисой связан прекрасный волжский пейзаж, описание которого (в ремарке) предваряет появление ее на сцене; затем героиня восхищается его красотой; за Волгу она бежит с униженного обеда; наконец, она заглядывает в обрыв перед смертью, пытаясь найти спасение от грязи предстоящей ей жизни. Образ Ларисы сопровождает в пьесе музыкальная тема – стихия цыганского пения. Цыганщина – мотив очень значительный и емкий. «Цыганский табор», – брезгливо говорит Лариса о своем родном доме. Паратов идет кутить с цыганами и берет с собой Ларису. Таким образом, цыганщина – это атмосфера несколько разнузданного веселья, окружающая Ларису, цыган нанимают, они – неременный антураж барской жизни на широкую ногу. Но цыганщина – это и безоглядная страсть без будущего, надрывный лиризм цыганского романса, который так любил сам Островский за его своеобразную поэтичность. Цыганская тема в пьесе – очень важное средство в раскрытии духовного мира героини.

Фильм, поставленный на сюжет «Бесприданницы» в 1984 г., режиссер Э. Рязанов назвал «Жестокий романс». Собственно, сопоставление «Бесприданницы» с жестоким романсом сделано еще Я. Протазановым в классической экранизации 1937 г., поскольку и там Лариса поет

не романс «Разуверение» на стихи Е. Баратынского, как у автора, а именно жестокий романс «Нет, не любил он...». Совершенно не касаясь вопроса о качестве этих вполне самостоятельных по отношению к Островскому произведений другого искусства, отметим только, что само сопоставление с жестоким романсом интересное и глубокое.

Жестокий романс в эпоху Островского – это совсем не то что фольклор, к которому Островский в целом постоянно тяготеет, а отсутствие этого тяготения в «Бесприданнице» очевидно. Жестокий романс выглядит словно бы художественно неустоявшимся и очень зависит от контекста и исполнения, которые все решают. Доверие к слову, вообще говоря, неременный мотив Островского, но здесь на нем буквально держится весь сюжет пьесы. Карандышев всячески пытается попасть в некий образ героя-резонера, даже героя-идеолога, и эти непрерывные мучительные попытки, собственно, и составляют линию его поведения. И пожалуй, раз только и дается Карандышеву слово, только раз он обнаруживает человеческую состоятельность – когда он, в отчаянии после бегства Ларисы, произносит знаменитые слова о смешном человеке. Но «смешной человек» – это, конечно, прямой антипод того образа, который он безуспешно пытался присвоить.

Сложность образа главной героини состоит, в частности, и в том, что при неоднозначном отношении она должна вызывать самое активное сочувствие. Стилевая природа жестокого романса капризна, одно и то же слово может звучать и пошло, и пронзительно подлинно. Ведь какое-нибудь альбомно-обветшалое и заигранное до явной пошлости выражение «Сергей Сергеевич – это идеал мужчины» для Ларисы звучит во всей первозданности, какой само-то выражение никогда не имело. Патетика здесь не поддержана авторитетом фольклорной, песенной традиции, как в «Грозе», но нет здесь и до-скональнойшего анализа с точки зрения жизнеподобности произнесения, как у Чехова.

Сложно построен и монолог умирающей Ларисы. Здесь есть несомненная доля условности, но за счет этой условности, поступившись буквальным правдоподобием, Островский достигает редкого правдоподобия чувств и всего образа в завершающий момент.

Лариса, почти спровоцировавшая Карандышева себя убить, обнаруживает глубокое и подлинное, уже «посмертное», а не предсмертное желание уйти из жизни, достигающее до благодарности убийце. Она прощает Карандышева и появляющихся на сцене Паратова, Вожеватова и Кнурова. Это они вели за нее торг и борьбу, и это их она хочет утешить, простить и, мало того, всех примирить между собой под цыганское пение.

Мощный финал драмы – смерть героини среди праздничного шума, под цыганское пение – поражает своей художественной дерзостью. Душевное состояние Ларисы показано Островским в характерном для его театра стиле «сильного драматизма» и при этом – с безупречной психологической точностью. И чем резче, сильнее разойдется это движение души героини с нашим зрительским возмущением «хорошими людьми», тем сильнее действие финала. Редкий художественный эффект этой сцены Островский строит на остром столкновении разнонаправленных эмоций: чем больше мягкости и всепрощения у героини, тем острее суд зрителя.

За сорок лет труда в русской культуре Островскому удалось создать свой театр как целостный художественный организм, воплотивший модель национального мира. Он исполнил в русской литературе ту же роль, какую в других европейских странах сыграли великие реформаторы драмы, такие, как Шекспир, Мольер, Гольдони, соединившие высокую литературу и демократические театральные традиции.

Однако театр Островского строился в эпоху торжества романного реализма, который, несомненно, повлиял на писателя и придал оригинальные черты этому последнему по времени великому явлению европейской драмы классической формы. Сквозь привычный для нового времени театр действия, подобного романному, в пьесах Островского явственно проступают

черты театра древнего – театра показа, зрелища, обрядового действия. Его драматургия тяготеет к каноничности, к устойчивым формам и жанрам, к амплуа, к типажности и неразрывно связана с фольклором: не только со старинным народным театром, но и с песней, сказкой, пословицей. Говоря шире – с устойчивыми формами национального уклада, прежде всего речевого, с эпическим началом фольклора, со всеми пластами долитературной русской культуры и сознания. Полностью это относится к народным комедиям, драме «Гроза» и сказке «Снегурочка», но в той или иной степени все созданное Островским вписывается в эту органичную и целостную художественную систему, представляющую национальный мир как движущийся, меняющийся живой организм.

А. Журавлева

¹ Написана в 1849 г., первая публикация – «Москвитянин», 1850, № 6. Запрещена к постановке Театральной цензурой. Впервые пошла в Иркутске в 1857 г., а в Москве и Петербурге только в 1861 г. с измененным по требованию цензуры финалом. (За Подхалюзиним являлся кварталный, чтобы отдать его под суд. От взятки, предложенной Подхалюзиним, он отказывался.)

Свои люди – сочтемся!¹
Комедия в четырех действиях

Лица

Самсон Силыч Большов, купец.

Аграфена Кондратьевна, его жена.

Олимпиада Самсоновна (Липочка), их дочь.

Лазарь Елизарыч Подхалюзин, приказчик.

Устинья Наумовна, сваха.

Сысой Псоич Рисположенский, стряпчий.

Фоминишна, ключница

Тишка, мальчик

Действие первое

Гостиная в доме Большова.

Явление первое

Липочка (*сидит у окна с книгой*). Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собрание² али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, – вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная, – вдруг подлетает кавалер: «Удостоите счастья, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой – возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! (*с жаром*) оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! (*Вздыхает.*) Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличатся с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо, если улан али полковник какой зарисовывает – чудо! Любоваться – милодорого! Ну, а прицепи-ко он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее, одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный – уж это сейчас видно: и ловкость, и все, а штатский что? Так, какой-то неодоушевленный! (*Молчание.*) Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я на что совестила учителя, а в два-дцать уроков все решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот маменька, бывало, сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. (*Задумывается.*) Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор: горят везде свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну как я перед ним оконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уже полтора года не танцевала! Попробую-ко теперь на досуге. (*Дурно вальсируя.*) Раз... два... три... раз... два... три...

Явление второе

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна (*входя*). Так-так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба Божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька, я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите-ко, хорошо? Раз, два, три... раз... два...

Аграфена Кондратьевна (*преследуя ее*). Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!..

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. Раз... два...

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! (*Бежит за ней.*) Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

² *Собрание* – Купеческое собрание. Существовали в Москве Благородное (Дворянское) собрание и Купеческое собрание – сословные клубы.

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить, как надобно! Раз... два... три...

Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и Бог создал, чтоб жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз, два...

Аграфена Кондратьевна. Как! ты еще пляшешь да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку – весь хвост оторву.

Липочка. Ну, да рвите на здоровье! Вам же зашивать придется! Вот и будет! *(Садится.)* Фу... фу... как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

Аграфена Кондратьевна. Постой, уж я сама оботру! Ишь, уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не почитаешь, так стен-то бы посовестилась! Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Липочка. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! какие вы, маменька, ей-богу! Право, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

Аграфена Кондратьевна. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка. Не вы учили – посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что ж? Родили вы – я была тогда что? Ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

Аграфена Кондратьевна. Уймись, эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнусь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю. А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

Аграфена Кондратьевна. А то и легковерного, что зубоскал! Приехал, ломался-ломался, вертелся-вертелся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают. Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. *(Шепчет в сторону.)* Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна. Да, хорош душка! Скажите, пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Липочка. Видимый резон, что не хотите моего счастья. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

Аграфена Кондратьевна. Ну, как ты хочешь, там думай. Господь тебе судья! А никто так не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то денно и ночью заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Липочка. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

Аграфена Кондратьевна. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь? Да что делать-то! Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Липочка. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми, в целой Москве не могли выбрать жениха – всё другим да другим. Кого

не заденет за живое: все подружки с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, непременно найдите!.. Вперед вам говорю, непременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности? Владыко милосердный, не могу с духом собраться... Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!

Аграфена Кондратьевна. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть! У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю! Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Липочка. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

Аграфена Кондратьевна. Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал Господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме-то у тебя все не женское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех буточников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Всё я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спроводить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? *(Плачет.)* Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна *(стоит и смотрит на нее)*. Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! *(Сквозь слезы.)* Ну, не сердись ты на меня *(плачет)*... бабу глупую... неученую... *(Плачут обе вместе.)* Ну, прости ты меня... сережки куплю.

Липочка *(плача)*. На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка *(сквозь слезы)*. Тогда и перестану, как замуж выду. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна. Выйдешь, выйдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня!

Целуются.

Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру. *(Обтирает.)* Вот нынче хотела Устинья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Липочка *(голосом, еще не успокоившимся)*. Ах! кабы она поскорей пришла!

Явление третье

Те же и Фоминишна.

Фоминишна. Угадайте-ко, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь, что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж не знаю, как сказать; на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токмо чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так всё нет, всё чужим да чужим.

Аграфена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Липочка. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Фоминишна. Вестимо, так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там пришел-то?

Липочка. Мужчина али женщина?

Фоминишна. У тебя всё мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это-таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело – как следует назвать?

Липочка. Натурально, незамужняя, вдова.

Фоминишна. Стало быть, моя правда? И выходит, что женщина!

Липочка. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Фоминишна. То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Липочка. Ах, маменька, как это кстати!

Аграфена Кондратьевна. Где же она до сих пор? Веди ее скорее, Фоминишна!

Фоминишна. Сама в секунту явится: остановилась на дворе, с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

Явление четвертое

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна (*входя*). Уф-фа-фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая: лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Липочка. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. (*Целуясь*.) Здравствуй, Аграфена Кондратьевна, как встала-ночевала, все ли жива, бралиянтовая?

Аграфена Кондратьевна. Слава Создателю! Живу – хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

Устинья Наумовна. Чай, об нарядах все. (*Целуясь с Липочкой*.) Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная? Пошли, Творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Фоминишна. Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Липочка. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подмывает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия в глазах.

Устинья Наумовна (*Фоминишне*). Ну, и с тобой, Божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть и губы трепать нечего.

Фоминишна. Как знаешь. Известно, мы не хозяйева, лыком шитая мелкота; а и в нас тоже душа, а не пар!

Аграфена Кондратьевна (*сидясь*). Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колесах стоишь! Поди-ко вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

Устинья Наумовна. Пила, пила, жемчужная, провалиться на месте, пила и забежала-то так, на минуточку.

Аграфена Кондратьевна. Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Липочка. Позвольте, маменька, я поскорей сбегая; видите, какая она неповоротливая.

Фоминишна. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю: не пригожее ли будет подать бальсанцу³ с селедочкой.

Аграфена Кондратьевна. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да как поспеет, вели сюда принести.

Фоминишна. Как же уж! Слушаю! (*Уходит.*)

Явление пятое

Те же без Фоминишны.

Аграфена Кондратьевна. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь, у меня девка-то стосковалась совсем.

Липочка. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

Устинья Наумовна. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хоть Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже норовит в свое удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

Явление шестое

Те же и Фоминишна, входит, ставит на стол водку с закуской.

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду. Затем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет-нет! Где хочешь возьми, а достань благородного.

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хошь и замужем будешь, а надоеет тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоём купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а Божий волос, сударыня, так-то-сь!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то тоже не общарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Липочка. Одно дело тятенька, а другое дело – муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез не достанет – перцу наемся.

³ Бальсанцу – бальзамцу. Бальзам здесь – род настойки.

Фоминишна. Никак ты плакать собираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

Устинья Наумовна. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристой?

Липочка. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтобы не курносого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному. (*Смотрит в зеркало.*) Ах, Господи! а сама-то я нынче вся, как веник, растрепана.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

Устинья Наумовна. Да, очень мне нужно, на старости лет, язык-то ломать по-твоему: как сказало, так и живет. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Липочка. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди уж ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Фоминишна. Ох, уж ты мне, егоза!

Уходят.

Явление седьмое

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна (*наливает*). Кушай-ко на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая. (*Пьет.*)

Аграфена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! фу! Где это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. (*Пьет.*)

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Ведрами. Что уж по малости-то, напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только.

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек; такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков⁴.

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умен как – просто тебе истукан золотой!

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперед доложила, что за дочерью-то у нас не горы, мол, золотые.

⁴ Арабчик – монета в 10 рублей, червонец.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуды.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно хорошо; только вот что, Устинья Наумовна, сама ты, мать, посуды: что я буду с благородным-то зятем делать? Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать, может, он его и знает, этого человека-то.

Явление восьмое

Те же и Рисположенский.

Рисположенский (*входя*). А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (*Пьет.*)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! Садиться милости просим; как живете-можете?

Рисположенский. Какое уж наше житье! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу, роптать грех, Аграфена Кондратьева.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшко, последнее дело.

Рисположенский. Кто ропшет, значит, тот Богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история...

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшко? Я все позабываю.

Рисположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Рисположенский. Не умею вам сказать доподлинно; отца звали Псой – ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович, так Псович; что ж, это ничего, и хуже бывает, бралиян-товый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Рисположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьева, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (*Пьет.*)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, кушай.

Рисположенский (*садится*). Жил старец, маститый старец... Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой... необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей – мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети еще малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость все прожили, поить, кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать – нет, сударыня моя, ничего уж тут не придумаешь. «Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей». День сидит – Бог подаст, другой сидит – Бог подаст; вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А-а, батюшки!

Рисположенский. «Господи, говорит, не мздоимец я, не лихоимец я... лучше, говорит, на себя руки наложить».

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко мой!

Рисположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в ночи...

Входит Большой.

Явление девятое

Те же и Большов.

Большов. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Рисположенский (*кланяется*). Всё ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечье какое напало?

Большов (*садясь*). Простудился, должно быть, либо геморрой, что ли, расходился...

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было?

Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Большов. Что это ты, али за святость взялся! Ха-ха-ха! Пора очувствоваться.

Аграфена Кондратьевна. Ну, уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Большов. По душе!.. Ха-ха-ха... А ты спроси-ко, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Рисположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что ж тебя оттедова выгнали?

Рисположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете... с позволения сказать, хошь бы в погребок... там я его оставил, да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором⁵ – нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомнил, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором – оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токмо что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Рисположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Этак вы с кругу сопьетесь.

Рисположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, Бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай Бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот к Троице⁶ ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (*Пьет.*)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ко, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

⁵ *Экзекутор* – чиновник, занимавшийся хозяйственными делами учреждения.

⁶ ...к Троице... – совершал паломничество в Троице-Сергиевскую лавру, находящуюся примерно в семидесяти километрах от Москвы.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

Явление десятое

Большов и Рисположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, чай, ты с этим крюкотворством на своем веку много чернил извел?

Рисположенский. Хе-хе... Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь эдакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьявольским наущением.

Рисположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, благодетельствован вами и с ребяташками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать, – вы свое дело сами лучше всякого знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат купец – дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и на руку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обобьешь, таскамшись-то.

Рисположенский. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот, что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь, – все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьешься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним. Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Рисположенский. Что ж, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Большов. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то: без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своей образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Рисположенский. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Большов. Знаю, что в наших руках, да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы притки, а там и пошел блудить.

Рисположенский. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! Хе-хе-хе... Да такие ли я дела делал... да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял.

Большов. Ой ли? Так какую ж ты механику подсмолишь?

Рисположенский. А там, глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью... (*Пьет.*) Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Большов. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Рисположенский. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Большов. И то дело, чтоб оглядок не было.

Рисположенский. Как на чужого-то закрепшишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после, поди, против подлинных-то бумаг.

Большов. Только вот что беда-то: как закрепшишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Рисположенский. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Большов. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Рисположенский. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы – нет: каков человек у вас приказчик?

Большов. Который? Лазарь, что ли?

Рисположенский. Да, Лазарь Елизарыч.

Большов. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Рисположенский. Что же прикажете, Самсон Силыч: закладную или купчую?

Большов. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в аккурате, такой тебе, Сысой Псоич, магарыч поставлю, просто сказать, угоришь.

Рисположенский. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Большов. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный, ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. Ну, заложим мы дом, а потом что?

Рисположенский. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и все заплатить... Вы ему заплатите, а он – чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так, ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Большов. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь-невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Да вот и Лазарь идет.

Явление одиннадцатое

Те же и Подхалюзин (входит).

Большов. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу, что ль?⁷ Как у вас там?

Подхалюзин. Слава Богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! *(Кланяется.)*

⁷ Ты из городу, что ль... – Имеется в виду Китай-город, прилегающая к Красной площади часть Москвы с особенно оживленной торговлей.

Рисположенский. Здравствуйте, батюшко Лазарь Елизарыч! (*Кланяется.*)

Большов. А идет, так и пусть идет. (*Помолчав.*)

А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня исделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще. А то торгуем-торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленичко усовещевал. Что так, без барыша-то, небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что ж ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь, чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся, али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли, а?

Рисположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тяни да потягивай, только-только чтоб, Боже сохрани, как не лопнуло, ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгануть.

Большов. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Рисположенский. Украдет, Самсон Силыч, беспрременно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Рисположенский. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. (*Помолчав.*) Что, «Ведомости»⁸ принес?

Подхалюзин (*вынимая из кармана и подавая*). Извольте получить-с.

Большов. Дава-кошь, посмотрим. (*Надевает очки и просматривает.*)

Рисположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. (*Пьет, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.*)

Большов (*читает вслух*). «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от Губернских правлений, от Приказов общественного призрения». Ну, и это мимо. «От Городской шестигласной думы»⁹. А нуткошь, нет ли чего! (*Читает.*) «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелают ли кто взять в содержание нижеозначенные оброчные статьи». Не наше дело: залогии надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает...» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского суда». У самих ни отца, ни матери. (*Просматривает дальшие.*) Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ко, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего...» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот-те и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов, никак, тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

⁸ «Ведомости» – «Московские полицейские ведомости» – газета официальных объявлений.

⁹ Городская шестигласная дума – городской орган самоуправления, состоящий из шести выбранных членов – «гласных».

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтемся как-нибудь. (*Читает.*) «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об Великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то, постники! И Богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

Подхалюзин. Вексель есть-с!

Большов. Протестован?

Подхалюзин. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Большов. Ну! И четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

Подхалюзин. Уж такой расподлеющий народ-с.

Большов (*ворочая листы*). Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

Подхалюзин (*берет газету*). Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая.

Молчание.

Рисположенский. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Большов. Да ты бы посидел немножко.

Рисположенский. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Большов. Ну, как знаешь!

Рисположенский. Прощайте! Прощайте, Лазарь Елизарыч! (*Уходит.*)

Явление двенадцатое

Большов и Подхалюзин.

Большов. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что! Так вот даром и бери деньги! Как не деньги, скажет: видал, как лягушки прыгают. На-ко, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть завалящих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь, за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

Подхалюзин. Уж это как и водится.

Большов. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, бумага, да и всё тут. И на дисконту¹⁰ отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай. (*Помолчав.*) С городовыми лучше не связывайся¹¹: всё в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так слепой мелочью да арабчиками, поглядишь – ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела, что нюхает, нюхает, поковыряет, поковыряет, да и прочь

¹⁰ Дисконт – погашение векселя, долгового обязательства.

¹¹ С городовыми лучше не связывайся... – городовые здесь – то же, что иногородние, то есть купцы из других городов, не московские.

пойдет. Уж диви бы товару не было, – каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не везет. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще черт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку¹² подай, да магарычи, да угощения, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзин. Кажется, должен чувствовать-с.

Большов. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! (*Помолчав.*) Что, Лазарь, как ты думаешь?

Подхалюзин. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Большов. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

Подхалюзин. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Большов. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

Подхалюзин. Это я не могу знать-с.

Большов (*помолчав*). Скажи, Лазарь, по совести: любишь ты меня? (*Молчание.*) Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? (*Молчание.*) Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне-то не сомневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Большов. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат, собачий сын, оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе, и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

Подхалюзин. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Большов. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельцо обделать. Там после суди владыко на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевезти куда подальше. Станем хлопотать-с!

Большов. Оно так. Да старенок уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Большов. Эдак-то лучше! Черта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти Бог смелости. Спасибо тебе, Лазарь. Удружил! (*Встает.*) Ну, хлопочи! (*Подходит к нему и треплет по плечу.*) Сделаешь дело аккуратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. (*Идет к двери.*)

Подхалюзин. Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видимши все ваши благодеяния, можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

¹² Вязка – уплата определенной суммы конкуренту на торгах, с тем, чтобы он не сбивал или не набивал цену.

Действие второе

Кантора в доме Большова. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

Явление первое

Тишка (*со щеткой на авансцене*). Эх, жите, жите! Вот чем свет тут ты полы мети! А мое ли дело полы мести! У нас все не как у людей! У других-то хозяев коли уж мальчишка, так и живет в мальчиках – стало быть, при лавке присутствует. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой проклажается, а на тебе спросится. У других все-таки вольготность есть; иным часом проштрафишься што либо-бшто, по малолетствию тебе спускается; а у нас – коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот приказчик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот... всякая шваль над тобой командует. Вот она, жисть-то какая анафемская! А уж это чтобы урваться когда из дому, с приятелями в три листика¹³ али в пристенок¹⁴ сразиться – и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! (*Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.*) Здравствуйте, Тихон Савостьяныч! Как вы поживаете? Все ли вы слава Богу?... А ну, Тишка, выкинь коленце! (*Делает гримасу.*) Вот оно что! (*Другую.*) Эвось оно как... (*Хохочет.*)

Явление второе

Тишка и Подхалюзин (крадется и хватает его за ворот).

Подхалюзин. А это ты, чертенок, что делаешь?

Тишка. Что? Известно что! Пыль стирал.

Подхалюзин. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашел? Покажу я тебе пыль! Ишь ломается! А вот я тебе заклею подзатыльника, так ты и будешь знать!

Тишка. «Будешь знать»! Да было бы еще за что?

Подхалюзин. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь за что! Вот пикни еще!

Тишка. Да, пикни еще! Я ведь и хозяину скажу, не что возьмешь!

Подхалюзин. Хозяину скажу!.. Что мне твой хозяин... Я, коли на то пошло... хозяин мне твой!.. На то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не видать. Прахтика-то эта известная. Я, брат, и сам огни, и воды, и медные трубы прошел.

Тишка. Знаем, что прошел.

Подхалюзин. Цыц, дьяволенок! (*Замахивается.*)

Тишка. На-кось, попробуй! Нешто не скажу, ей-богу, скажу!

Подхалюзин. Да что ты скажешь-то, чертова перечница!

Тишка. Что скажу? А то, что лаешься!

Подхалюзин. Важное кушанье! Ишь ты, барин какой! Поди-ткось! Был Сысой Псоич?

Тишка. Известно, был.

Подхалюзин. Да ты, чертенок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Тишка. Зайти хотел!

Подхалюзин. Ну, так ты сбегай на досуге.

¹³ *Три листика* – название игры в карты.

¹⁴ *Пристенок* – игра, в которой участники бросают монеты о стенку.

Тишка. Рябиновки, что ли?

Подхалюзин. Да, рябиновки. Надо Сыся Псоича попотчевать. *(Дает деньги.)* Купи полштофа, а сдачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Тишка. Стриженная девка косы не заплетет. Так начну порхать – живым манером.

Тишка уходит.

Явление третье

Подхалюзин *(один)*. Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать! Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать *(вынимает и считает)*, тут, должно быть, попользоваться будет можно. *(Ходит по комнате.)* Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть? Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я с ним сделал, да не приходится. Хм! Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет: денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! *(Ходит молча.)* А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать, я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет. Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знавши-то характер Самсона Силыча, каков он есть, – это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, – нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем, взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по ним или так взойди им в голову – завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого прыгнуть можно!

Явление четвертое

Подхалюзин и Тишка.

Тишка *(входит со штофом)*. Вот он я пришел!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там, наверху. Да и стракулист идет.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол да и закусочки достань.

Тишка ставит водку и достает закуски, потом уходит.

Явление пятое

Подхалюзин и Рисположенский.

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Рисположенский. К вам, батюшка Лазарь Елизарыч, к вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая; как писать что, Лазарь Елизарыч, так всё левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. *(Пьет.)*

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?

Рисположенский *(садится к столу)*. От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю: от того, что больно народ грабите. За неправду Бог наказывает.

Рисположенский. Эх-хе-хе... Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие. Мы, как птицы небесные, по зернышку клюем.

Подхалюзин. Вы, стало быть, больше по мелочам?

Рисположенский. Будешь и по мелочам, как взять-то негде. Ну, еще нешто, кабы один, а то ведь у меня жена да четверо ребятишек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит – тятенька, дай, другой говорит – тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое. А домишко-то эвоно где!.. Что сапогов одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то¹⁵.

Подхалюзин. Это точно-с.

Рисположенский. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесешь. Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)* А я думаю: забегу, мол, я к Лазарь Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь.

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Рисположенский. Как за какие провинности! Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вам выхлопотал.

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать вам об одном и том же не приходится!

Рисположенский. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бедность-то меня одолела!

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. *(Подходит и садится к столу.)* А у нас вот лишние есть-с: девать некуда. *(Кладет бумажник на стол.)*

Рисположенский. Что вы, Лазарь Елизарыч, неужто лишние? Небось шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Рисположенский. А коли лишние, так отчего же бедному человеку не помочь. Вам Бог пошлет за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Рисположенский. Дайте три целковеньких.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Рисположенский. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Рисположенский. Ну, уж коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Рисположенский. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

¹⁵ ...к Воскресенским воротам с Бутырок-то. – От бывшего Бутырского хутора (район Бутырской тюрьмы) до Воскресенских ворот у Кремля расстояние около 5 км.

Подхалюзин. Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведем: много ли вам Самсон Силыч обещали за всю эту механику?

Рисположенский. Стыдно сказать, Лазарь Елизарыч, тысячу рублей да старую шубу енотовую. Уж меньше меня никто не возьмет, ей-богу, вот хоть приценитесь подите.

Подхалюзин. Ну, так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с... за этот же самый предмет-с.

Рисположенский. Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с.

Рисположенский. Ну вот, как за эдаких людей Богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что же-с! Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в аккурате, – попал на эту точку и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Рисположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч, маленький, что ли, я! Пора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то? Вот дела-то какие-с. Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и эрестрик этот привезли, как следует. Вот он пошел по кредиторам: тот не согласен, другой не согласен; да так ни один таки и нейдет на эту штуку. Вот она какая статья-то.

Рисположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с эстим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня али нет?

Рисположенский. То есть насчет несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе, а насчет моих-то делов.

Рисположенский. Хе-хе-хе... то есть дом-то с лавками... эдак... дом-то... хе-хе-хе...

Подхалюзин. Что-о-с?

Рисположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то для шутки! А вы этим не шутите-с! Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдемте ко мне-с. Тишка!

Явление шестое

Те же и Тишка.

Подхалюзин. Прибери тут все это! Ну, пойдете, Сысой Псоич!

Тишка хочет убраться водку.

Рисположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди. Ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскорей, того гляди, сам приедет.

Рисположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! (*Пьет и закусывает.*) Да уж мы лучше ее с собой возьмем.

Уходят. Тишка прибирает кое-что; сверху сходят Устинья Наумовна и Фоминишна. Тишка уходит.

Фоминишна. Уж пореши ты ее нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражняется. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то ее понапрасну. Другие в ее пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж ее томить-то.

Устинья Наумовна. Сама все это разумею, серебряная, да нешто за мной дело стало; у меня женихов-то что кобелей борзых. Да ишь ты, разборчивы очень они с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми – все человек.

Устинья Наумовна (*садясь*). Присесть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской, с раннего утра, словно отымалка¹⁶ какая, мычуся. А ведь и проминовать ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек – живая тварь; тому невеста понадобилась, той жениха хоть роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит – все я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что так уж, видно, устроено, – от начала мира этакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и побольше перевалится, – известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна, – ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И-и, мать, некогда! Ведь какой грех-то: сам-то что-то из городу не едет, все под страхом ходим; того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то, Господи! Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым мужиком, что с чертом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали. Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что на-поди. Страсти, да и только! Посуду колотит... «У-у! – говорит, – такие вы и эдакие, убью сразу!»

Устинья Наумовна. Необразование.

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то – Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты как пойдешь домой-то, так заверни ко мне, – я тебе окорочок завяжу. (*Идет на лестницу.*)

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

Подхалюзин входит.

Явление седьмое

Устинья Наумовна и Подхалюзин.

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа, каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с. (*Садится*).

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь, высватаю!

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте, – нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хочешь, – приятелю удружу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу что собак.

Подхалюзин. Да, есть-таки около того-с.

¹⁶ *Отымалка* – кухонная тряпка для горячей посуды.

Устинья Наумовна. Ну, а коли есть, так и слава тебе Господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, неженатый ли, вдовец ли какой, – прямо и тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так и женю. Отчего же не женить, и невзвидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу. Устинья Наумовна, зачем это вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! Зачем бы я ни ходила. Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно? С чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ко, какого жениха нашла. Благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. За чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обвертим, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите, попробуйте, – задаст он вам после копоты.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый?

Подхалюзин. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить. Ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи; авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего ж нельзя, меня, что ль, совестишься, бралиянтовый, ничего, говори, – нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу – руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же ты знаешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с!

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелся-с! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они очень влюблены в Алимпияду Самсонову-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалю.

Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что я и сам-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна. Уж теперь поздно, бралиянтовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьет.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого высватаете, так беды наживете, что после и не расхлебаете.

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с каким я рылом покажусь к Самсону-то Силычу? Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблен-то так, что

и жить не может, а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко Самсон-то Силыч, ведь он, не ровён час, и чепчик помнет.

Подхалюзин. Ничего не помнет-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздрадила, на дню два раза присылает: что жених да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастья-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболью, чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с, что жених такой, что вы сроду и не видывали, только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благородные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей Бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего. Отец-то, Самсон Силыч, голицами¹⁷ торговал на Балчуге; добрые люди Самсошкой звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не понёвница¹⁸ – из Преображенского¹⁹ взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в принцессы норовит. А все это денежки. Вот я чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть – я и сама пыли в нос пушу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли – за купцом-то быть ей гораздо пристойнее.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила, что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе патрет, и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажите, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами порасстроились, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь и правда, бралиянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказывала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, прятки вы очень рассказывать-то. А почему вы знаете, сколько у Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это кого ни спроси, всякий знает, что Самсон Силыч купец богатейший.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного человека, а Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да еще, как значительный-то человек, подаст жалобу в суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсон Силычем попались, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете – можно обмануть приданым нашего брата, с рук сойдет, а значительного человека обмани-ко поди, так после и не уйдешь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны! А надемши-то шубу соболью, Устинья Наумовна, да по гуляню пройдется – другой подумает, генеральша какая.

¹⁷ *Голицы* – кожаные рукавицы.

¹⁸ *Понёвница* – та, которая носит понёву, простую домотканую юбку, женщина из крестьян.

¹⁹ *Преображенское* – при Островском – окраина Москвы по Стромьинской дороге за Яузой.

Устинья Наумовна. А что ты думаешь, да и в самом деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальешь; жены-то с ревности вам все носы пооборвут.

Подхалюзин. Это точно-с!

Устинья Наумовна. Давай задаток! Была не была!

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

Устинья Наумовна. Чего робеть-то? Только смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзин. Говорю вам, из живых сошьем. Уж что толковать!

Устинья Наумовна. Ну, прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я тебе все отлепартую.

Подхалюзин. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне – водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит Тишка.

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

Явление восьмое

Тишка (*садится к столу и вынимает из кармана деньги*). Полтина серебром – это нынче Лазарь дал. Да намедни, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третёвось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то! (*Считает про себя.*)

Голос Фоминишны за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго ль мне кричать-то?»

Тишка. Что там еще?

«Дома, что лича, Лазарь?»

Был, да весь вышел!

«Да куда ж он делся-то, Господи?»

А я почем знаю; нешто у меня спрашивается! Вот кабы спрашивался, – я бы знал.

Фоминишна сходит с лестницы.

Да что там у вас?

Фоминишна. Да ведь Самсон Силыч приехал, да, никак, хмельной.

Тишка. Фю! попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем, голубчик, беги скорей!

Тишка бежит.

Аграфена Кондратьевна (*показывается на лестнице*). Что, Фоминишна, матушка, куда он идет-то?

Фоминишна. Да, никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу, запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери и голос Самсона Силыча: «Эй, отприте, кто там?» Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Большов (*за дверями*). Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой! Ах, я мымра слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

Самсон Силыч входит.

Явление девятое

Фоминишна и Большой.

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчёна.

Большов. Да ты белены, что ль, обьяелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Большов. Пошла вон! (*Садится.*)

Фоминишна идет в двери; Подхалюзин и Тишка входят.

Фоминишна (*возвращаясь*). Ах, я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти. Холодной-то поросенок совсем из ума выскочил.

Явление десятое

Подхалюзин, Большой и Тишка.

Большов. Убирайся к свиньям!

Фоминишна уходит.

(*К Тишке.*) Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет?

Подхалюзин (*к Тишке*). Говорили тебе, кажется!

Тишка уходит.

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с!

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит: объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться так объявиться – один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить? Да с чего же ты это взял? Да я лучше все огнем сожгу, а уж им ни копейки на дам. Перевози товар, продавай векселя, пусть тащат, воруют кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство прийти.

Большов. А тебе что за дело? Не твое было. Ты старайся только – от меня забыт не будешь.

Подхалюзин. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства: мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век, слава Богу, пожили, а Алимпияда Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея пота-крови, прилагаю – так это все больше по тому самому, что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольте-с! Ну, положим, что это все благополучно кончится-с, хорошо-с. Останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсоновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани Господи! Как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то²⁰ все отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани Господи! Это что ж будет тогда? *(Плачет.)*

Большов. Да об чем же ты плачешь-то?

Подхалюзин. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю – в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен – горами шатает.

Большов. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля Божия, против ее не пойдешь.

Подхалюзин. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека, так уж тогда будет она, по крайности, как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон, что сватался за Алимпияду Самсоновну, благородный-то, – и оглобли назад поворотил.

Большов. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

Подхалюзин. Я, Самсон Силыч, не выдумал, – вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Большов. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение: я посторонний человек, не родной, а для вашего благополучия ни дня, ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает, – ну есть ли в нем душа после всего этого?

Большов. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

Подхалюзин. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу – сердце у меня не такое.

Большов. Да как же тебе оставить-то меня; только ведь и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзин. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч. Поймите вы из этого: не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с, сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с, потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с...

Большов. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

Подхалюзин. Чего-с?.. Нет, я ничего-с!..

Большов. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите?

Большов. Что за шутка! Я тебя без шуток спрашиваю.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с.

Большов. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

Подхалюзин. Хотя и не княжна, да как бымши вы моим благодетелем и вместо отца родного... Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это можно-с, неужели же я этого не чувствую!

²⁰ *Имение* – здесь – в значении «имущество».

Большов. Так ты, стало быть, ее не любишь.

Подхалюзин. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете! Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с!

Большов. Ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с! Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет... Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!

Большов. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзин. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знавши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять знавши себя, что я такое значу, – где же мне с суконным-то рылом-с?

Большов. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове, – а тебе ума-то не занимать стать, этим добром Бог наградил. Так что же, Лазарь, посватать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

Подхалюзин. Да помилуйте, смею ли я? Алимпияда-то Самсоновна, может быть, на меня глядеть-то не захотят-с!

Большов. Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу – с кашей ем, хочу – масло пахтаю²¹. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзин. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Большов. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать?

Подхалюзин. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня Бог!.. Да что я за скотина!

Большов. Ну, а дочь любишь?

Подхалюзин. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Большов. Ну, а коли душа перевернулась, так мы тебя поправим. Владей, Фаддей, нашей Маланьей!

Подхалюзин. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Большов. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имение переведу, так после кредитору-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

Подхалюзин. Еще как пожалеют-то-с!

Большов. Ну, ты ступай теперь в город, а уж-тко заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

Подхалюзин. Слушаю, тятенька-с! (*Уходит.*)

²¹ *Пахтать* – сбивать (обычно масло).

Действие третье

Декорация первого действия.

Явление первое

Большов (*входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зевает*). Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь, а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. (*Молчание.*) Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер – так все прахом и пойдет. Ох, Господи, Господи! (*Зевает и смотрит по углам.*)

Явление второе

Аграфена Кондратьевна и Липочка (разряженная).

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ко, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! Фу-ты, прочь поди! Что твой розан пионовый! (*К ней.*) Ах ты, моя ангелика, царевна, херуимчик ты мой! (*К нему.*) Что, Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестерней.

Большов. Проедет и парочкой²² – не великого полета помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не енаральская дочь, а все, как есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что как медведь бурчишь.

Большов. А как мне еще приголубливать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так что-нибудь, а ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек!

Большов. Что ж что дочь? Слава Богу – обута, одета, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следует; и чужих призирают, не токмо что своих, – а ведь это и в люди сказать грех: как ни на есть, родная детища!

Большов. Знаем, что родная, да чего ж ей еще? Что ты мне притчи эти растолковываешь? Не в рамку же ее вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свекором! Пора, кажется, в чувство прийти: расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычаю родительского!

Большов. А нет, так что ж за беда; стало быть, так Бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания Божеская, али нет? Не животная какая-нибудь, прости Господи!.. Да спроси у нее что-нибудь.

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уж не спросим, ты покедова-то вот. Человек приедет чужой-посторонний, все-таки как хочешь примеривай, а мужчина – не женщина – в первый-то раз наедет, не видамши-то его.

²² Шестерней... Проедет и парочкой... – купцам, в отличие от дворян, не полагалось запрягать в легковой экипаж больше двух лошадей.

Большов. Сказано, что отстань.

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакой, а еще родной называешься! Ах ты, дитяtko моя заброшенная, стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились от тебя, да и знать не хотят. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! (*Усаживает.*)

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! Измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю.

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствуетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так-так, дитяtko! Да как взгляну-то на тебя, так ведь эта жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: ростили, ростили, да и вырастили – да ни с того ни с сего в чужие люди отдаем, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством, своим кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно ворога из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. Посудите, люди добрые, каково жить в чужой дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй Бог, неровнюшка выйдется, не ровен, дурак навяжется аль дурак какой – дурацкий сын! (*Плачет.*)

Липочка. Вот вы вдруг и расплакались! Право, как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

Аграфена Кондратьевна (*плача*). Да уж это так говорится – к слову пришлось.

Большов. А об чем бы ты это, слышно, разрюмилась? Вот спросить тебя, так сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох, не знаю: такой стих нашел.

Большов. То-то вот сдуру. Слезы у вас дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг приедет – что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитяtko, перестану; сейчас перестану!

Явление третье

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна (*входя*). Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы – носы повесили? *Целуются.*

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Липочка. Что, Устинья Наумовна, скоро приедет?

Устинья Наумовна. Виновата, сейчас провалиться, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!

Липочка. Как? Что такое за новости?

Аграфена Кондратьевна. Что ты еще там выдумала?

Устинья Наумовна. А то, бралиянтовые, что жених-то наш что-то мнется.

Большов. Ха-ха-ха! А еще сваха! Где тебе сосватать!

Устинья Наумовна. Уперся, как лошадь, – ни тпру ни ну; слова от него не добьешься путного.

Липочка. Да что ж это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Липочка. Да давно ль ты его видела?

Устинья Наумовна. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафорке; а уж употчевал – можно чести приписать. И кофию велел, и рюмку-то, а уж сухарей навалил – видимо-невидимо. Кушайте, говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли, – надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать обзнакомиться-то; а он мне на это ничего путного не сказал. Вот, говорит, подумамши да посоведамшись, а сам только что опояску поддеживает.

Липочка. Что ж он там спустя рукава-то сантиментальничает? Право, уж тошно смотреть, как все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна. И в самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его?

Устинья Наумовна. А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?

Большов. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

Аграфена Кондратьевна. Да, найдешь, на печи-то сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большов. А вот увидишь!

Аграфена Кондратьевна. Что увидать-то! Увидать-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, не расстройвай ты меня! *(Садится.)*

Большов хохочет. *Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает ее платье.*

Устинья Наумовна. Ишь ты, как вырядилась, – платьице-то на тебе какое авантажное. Уж не сама ль смастерила?

Липочка. Вот ужасно нужно самой! Что мы, нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то на что?

Устинья Наумовна. Фу-ты, уж и нищие! Кто тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать, шила, – а то, известное дело, и платье-то твоё дрянь.

Липочка. Что ты, что ты! Никак с ума сошла? Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

Устинья Наумовна. Что это ты так разъерепенилась?

Липочка. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину. Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

Устинья Наумовна. С чего это ты взяла? Откуда нашел на тебя эдакой каприз? Разве я хую твоё платье? Чем не платье – и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится, по красоте-то твоей совсем не такое надобно, – исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало: подавай нам шитое жемчугом. Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Тишка *(входит)*. Сысой Псоич приказали спросить, можно ли, дескать, взойти. Они тамotka, у Лазаря Елизарыча.

Большов. Пошел, зови его сюда, и с Лазарем.

Тишка уходит.

Аграфена Кондратьевна. Что ж, недаром же закуска-то приготовлена – вот и закусим. А уж тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна. Известное дело – адмиральский час – самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть.

Большов. Погоди, вот те подойдут – ещё успеешь.

Липочка. Я, маменька, пойду разденусь.

Аграфена Кондратьевна. Поди, дитятко, поди.

Большов. Погоди раздеваться-то – жених приедет.

Аграфена Кондратьевна. Какой там еще жених, – полно дурачиться-то.

Большов. Погоди, Липа, жених приедет.

Липочка. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Большов. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна. Что ты его слушаешь, какой там еще шут приедет! Так, язык чешет.

Большов. Говорят тебе, что приедет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самом деле приедет, так уж ты бы путем говорил, а то приедет, приедет, а Бог знает, кто приедет. Вот всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. (*Подходит к зеркалу и смотрится, потом к отцу.*) Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна. Стыд не дым – глаза не выест.

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну, закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выйти замуж за военного!

Большов. Эк ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Акстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж, ведь другие выходят же.

Большов. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погоды.

Аграфена Кондратьевна. Да ты у меня и заикайся не смей! Я тебе и родительского благословенья не дам.

Явление четвертое

Те же и Лазарь, Рисположенский и Фоминшина (у дверей).

Рисположенский. Здравствуй, батюшка Самсон Сильч! Здравствуй, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большов. Здравствуй, братец, здравствуй! Садиться милости просим! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна. Закусить не угодно ли? А у меня закусочка приготовлена.

Рисположенский. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Большов. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт народился, и будто бы, золотые мои...

Большов. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие Божие; да и не об том теперь речь.

Устинья Наумовна. Так об чем же, яхонтовый?

Большов. А о том, что летá наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один Создатель только ведает, что будет вперед, то и положили мы еще при жизни своей отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

Устинья Наумовна. Ишь ведь, как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Большов. А так как теперь дочь наша здесь налицо, и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас очень чувствительно, в рассуждении божеского благословения, то и назначаем его теперича в общем лицезрении. Липа, поди сюда.

Липочка. Что вам, тятенька, угодно?

Большов. Поди ко мне, не укушу небось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзин. Давно готов-с!

Большов. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Как, что это за вздор? С чего это вы выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Устинья Наумовна. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что ж это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Фоминишна. С нами крестная сила!

Подхалюзин. Видно, тятенька, не видать мне счастья на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Большов (*берет Липочку насильно за руку и Лазаря*). Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?

Аграфена Кондратьевна. Что ты! Что ты! Опомнись!

Большов. Знай, сверчок, свой шесток! Не твое дело! Ну, Липа! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядом да потолкуйте ладком – а там честным пирком да за свадебку.

Липочка. Как же, нужно мне очень с неучем сидеть! Вот оказия!

Большов. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка. Где это видано²³, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Большов. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выйдешь. (*Молчание.*)

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая.

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Фоминишна. Господи! Семой десяток живу, сколько свадеб праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что ж вы это, душегубцы, девку-то опозорили?

Большов. Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика, и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу! Вот теперь закусить пойдемте, а они пусть побалачничают, может быть, и поладят как-нибудь.

Рисположенский. Пойдемте, Самсон Силыч, и я с вами для компании рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтобы дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны.

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я им, кухарка, что ли, досталась? (*Плачет.*)

Подхалюзин. Маменька-с! Вам зятя такого, который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил, окромя меня, не найти-с.

Аграфена Кондратьевна. Да как это ты, батюшко?

²³ «Уж и где же это видано...» – шуточная народная песня.

Подхалюзин. Маменька-с! В меня Бог вложил такое намерение, по тому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не захочет, а я по гроб моей жизни (*плачет*) должен чувствовать-с.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко! Да как же это быть?

Большов (*из двери*). Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас!

Подхалюзин. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал.

Аграфена Кондратьевна уходит.

Явление пятое

Липочка и Подхалюзин.

Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Липочка. Вы дурак необразованный!

Подхалюзин. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Липочка. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас, – не пойду.

Подхалюзин. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с...

Липочка. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер – вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти, – вы бы должны отказаться.

Подхалюзин. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить: отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Липочка. А то и будет, что я выйду за благородного.

Подхалюзин. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Липочка. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то, – в нос бросится.

Подхалюзин. Тряпки-то-с! Благородный тряпок-то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Липочка. Что ж! Тятенька и денег даст!

Подхалюзин. Хорошо, как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их очень хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрот-с.

Липочка. Как банкрот? А дом-то, а лавки?

Подхалюзин. А дом-то и лавки – мои-с!

Липочка. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? Глупее себя нашли!

Подхалюзин. А вот у нас законные документы есть! (*Вынимает.*)

Липочка. Так вы купили у тятеньки?

Подхалюзин. Купил-с!

Липочка. Где же вы денег взяли?

Подхалюзин. Денег! У нас, слава Богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Липочка. Что ж это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились!

Молчание.

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного – да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы извольте рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с. Оде-

ваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с, так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с – окромя бархатных, и надевать не станем.

В рассуждении шляпок или салопов не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских. (*Молчание.*) Если вы насчет физиономии сомневаетесь, так это, как вам будет угодно-с, мы также и фрак наденем да бороду обреем либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных – поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы пукетами пустим. (*Молчание.*) Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. (*Молчание.*) Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?

Подхалюзин. А для того, что нам не для чего. (*Молчание.*) Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. (*Молчание.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.